

приятно, что франц<узская> книга Б<альмон>та выйдет, но я жалею, что это делается в тайне от К. Д. Я выслала Вам т<ом> Венгерова <...> дня 3 тому назад. Я думаю, лучше всего будет перевести автобиографию Б<альмон>та» (Там же. № 229. Л. 19). Издание «*Quelques poèmes*» Бальмонта вышло только в 1916 году с неавторизованным предисловием («*Préface*»), имеющем прямые переклички с автобиографией Бальмонта, представленной в книге: Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 57–64. Цетлина сообщила Волошину в письме от 12–13 ноября 1916 года: «На днях пошло тебе стихи Бальмонта по-французски...» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1262. Л. 42). К истории французского издания избранных стихотворений Бальмонта можно добавить, что она нашла отражение и в переписке самого автора с Цетлиной. В феврале 2016 года аукционный дом «Империя» (лот 320) выставил на продажу книгу Бальмонта «Зарево зорь» (М.: Гриф, 1912) из библиотеки казака А. В. Леонтьева (о нем см.: *Запевалов В. Памяти Александра Викторовича Леонтьева // Русский вестник. 2002. № 8–9; <http://www.sestretroetsk.com/my-romnim/40797/>; дата обращения: 31.07.2019), на форзаце которой были приклеены два недатированных фрагмента писем Бальмонта к Цетлиной, относящихся к периоду пребывания Цетлиных в Москве (осень 1917 — зима 1918 года). В одном из писем речь идет об упомянутом издании: «Я говорил с Мих<аилом> Ос<иповичем>, но он, верно, забыл о своем обещании. Мне очень нужно 20 экз<емпляров> моих „*Quelques Poèmes*“ («для пропаганды», — я рассчитываю повторить мою conference, — и Ренэ Гиль попросил у меня несколько экз<емпляров>»). Так как женское сердце более памятливо и заботливо, пишу Вам и прошу об услуге. Когда же буду иметь радость видеть Вас и М<ихаила> Ос<иповича> у себя? Желая всего лучшего. Целую Ваши руки. Ваш К. Бальмонт» (цитируется по автографу; см.: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=41936>; дата обращения: 31.07.2019).*

⁸ Волошин вернулся в Россию в апреле 1916 года, в этом время Бальмонт путешествовал по Сибири и Японии. См.: *Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017. Когда Бальмонт вернулся из путешествия, Волошин уже уехал в Коктебель. Поэты встретились 29 декабря 1916 года в Москве (см.: Лит. наследство. Т. 98. Кн. 1. С. 237), куда Волошин приехал 28 октября вместе с Е. О. Кириенко-Волошиной. Вторая поездка Бальмонта в Грузию состоялась летом 1917 года. См.: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001. С. 337–339; Андгуладзе Лия. Бальмонт и Грузия. М., 2002. С. 85–96, 153, 191, 206–209.**

⁹ Речь идет о работе Бальмонта над переводом эпической поэмы Ш. Руставели «Вепхисткаосани», которая была начата в 1914 году и закончена в 1916-м. Перевод был издан в 1917 году: *Руставели Ш. Носящий барсову шкуру: Грузинская поэма XII в. / Пер. К. Бальмонта. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917. Переиздан в серии «Библиотека поэта» в 1988 году.*

¹⁰ Цетлин Валентин Михайлович (Валентин Вольф, 1912–2007) — сын М. О. и М. С. Цетлин, в будущем американский психоаналитик, выпускник медицинского факультета Оксфордского университета (1944), в 1967–1970 годах президент Нью-Йоркского фрейдистского общества (New York Freudian Society).

¹¹ Авксентьева Александра Николаевна (в замуж. Прегель, 1907–1984) — дочь М. С. Цетлиной от первого брака с политическим деятелем Н. Д. Авксентьевым (1872–1943).

DOI: 10.31860.0131-6095-2019-4-113-134

НА РАЗВАЛИНАХ БЫТИЯ (В. В. РОЗАНОВ И П. П. ПЕРЦОВ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕПИСКИ)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Е. И. ГОНЧАРОВОЙ)

Переписка Василия Васильевича Розанова (1856–1919) и Петра Петровича Перцова (1868–1947) велась на протяжении 20 лет: с осени 1896-го до сентября 1918 года. Представленные ниже письма, которыми корреспонденты обменялись в 1918 году, — ее завершающий этап. Предшествующий диалог, весьма пестрый по содержанию, наполненный обсуждением прежде всего литературных и философских проблем, оборвался в мае 1917 года. Причиной была не только разразившаяся Февральская революция и связанные с ней перемены бытия, но, вероятно, и разная оценка произошедших

на глазах литераторов политических событий. Розанов воспринял Февральскую революцию как национальную катастрофу: «Окаянный год, крушение царства... Да что „царства“ — нашего дорогого, милого отечества»,¹ — высказывался он с горечью в «Апокалипсисе нашего времени». Перцов смотрел на революционные события иначе. Показательна запись, сделанная им еще 20 марта 1916 года: «Мы живем сейчас между 1789 и 1792 гг. В 1905 году было „взятие Бастилии“, но необходимо еще взять Тюильри. Мы пережили 14 июля — предстоит 10 августа. Да будет!»² Напомним, что 14 июля 1789 года во время Великой французской революции в Париже была взята Бастилия, а через три года, 10 августа 1792-го, после штурма Тюильри, последнего пристанища Людовика XVI, пала французская монархия. Воодушевленный Февральской революцией, Перцов писал Розанову в марте 1917 года об установлении в Москве «Русской республики».³ В последнем письме от сентября 1918 года Розанов, жалуясь на «ужасы» бытия, упрекнул Перцова за его республиканские надежды: «Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Воючая, проклятая».⁴ Нигилизм, который привел Россию к катастрофам 1917 года, ассоциировался у Розанова именно с сатирой Гоголя.

«Война, — замечал Перцов, — потом революция надломили Василия Васильевича. Что-то страшное случилось с ним осенью 1917 года, закрытие „Нового времени“, потеря заработка и всего состояния повлекли его отъезд из Петрограда „в каком-то беспамятстве“ (писал он мне) и тяжелое разрушение его здоровья, до тех пор сравнительно очень крепкого».⁵

В конце августа 1917 года Розанов с семьей «бежал»⁶ из Петрограда в Сергиев Посад. Здесь, около Троице-Сергиевой лавры, в голодный 1918 год и писались его последние письма к другу-философу, первому издателю⁷ его сочинений Петру Петровичу Перцову.

Поводом для возобновления переписки было бедственное положение писателя. 11 писем относятся к марту–сентябрю 1918 года. Сохранилась, вероятно, не вся корреспонденция. Упомянутые в первом послании два больших письма Перцова, открытка, полученная от Розанова, отсутствуют в корпусе переписки, сбереженной Перцовым.

С ноября 1917 года по октябрь 1918 года в Сергиевом Посаде, «около церковных стен», Розанов издает десять номеров своеобразного философско-публицистического дневника «Апокалипсис нашего времени». Прервав паузу в переписке, он послал Перцову первый выпуск, сопроводив инскриптом на обложке, продиктованным полной безысходностью: «По-старому милому П. П. Перцову и его „Маше“». В. Розанов. Спасибо за письмо. Утешили. Пишите еще. Гибель. Холод. Голод. Никаких средств. Об Эртелевом никаких сведений. Книга из складов реквизирована. Отчаяние».⁸

В Петрограде в Эртелевом переулке размещалась редакция газеты «Новое время», где служили до революции оба корреспондента.⁹ Когда в ноябре 1917 года большевики закрыли газету, оба публициста лишились основного заработка.

¹ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени: Вып. № 1–10. Текст «Апокалипсиса...», публикуемый впервые. М., 2000. С. 66 (Собр. соч. [Т. 12]).

² РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 54. Л. 86 об.

³ Под «колесом» истории: переписка В. В. Розанова и П. П. Перцова 1917 года / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. И. Гончаровой // Русская литература. 2017. № 3. С. 42.

⁴ См. п. 11.

⁵ Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове // Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902 / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 270.

⁶ Розанов В. В. В нашей смуте. М., 2004. С. 356 (Собр. соч. [Т. 17]).

⁷ Розанов неоднократно с благодарностью писал о Перцове-издателе: «Приход Перцова (П. П.), и вскоре предложение им издать сборники моих статей, — было собственно началом „выхода к свету“. У меня не было до этого самых знакомств, самого видения лица человека, который бы мне помог куда-нибудь выбраться» (Розанов В. В. Литературные изгнанные: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М., 2001. Кн. 1. С. 133 (Собр. соч. [Т. 13])).

⁸ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог / Сост. М. С. Лесман и Н. Г. Князева. М., 1989. С. 186. Сохранились 10 выпусков «Апокалипсиса нашего времени», отправленные Розановым Перцову.

⁹ По подсчетам Перцова, в газете «Новое время» он напечатал 553 статьи (РНБ. Ф. 1136. № 58. Л. 1 об.).

Перцов с 1917 года жил «в костромском гнезде» — в деревне Масленицы. Здесь у его жены Марии Павловны¹⁰ был дом. В годы послереволюционного лихолетья он и стал пристанищем Перцова. Изредка наездами Перцов бывал в Москве в поисках литературных заработков. Получив письмо о бедственном положении Розанова, он сразу же попытался ему помочь. Соседка Перцова прислала в Сергиев Посад толокно.¹¹ Это было большой радостью для Розанова, адресовавшего благодарственное письмо по ошибке другой костромской знакомой Перцова: «Если бы знали, милая и прекрасная Анна Зиновьевна, всю радость, какую доставили Вашим веселым толокном!! <...> Ради Бога, еще пришлите, но только коробок 10. И вот еще, милая: я помню, ел у мамы овсяный кисель. Он естся или горячим-жидким с подсолнечным маслом, — или охлаждается на холоде, и тогда разрезанный на квадратики естся тоже или с молоком, или еще вкуснее — с подсолнечным маслом. Подсолнечное масло у нас есть, хотя и немного. Если Вы несколько „в средствах“ — пришлите, дорогая и милая. И еще хотя бы фунтов 10 гороху. Так хочется, так хочется. <...> Простите, что я Вам посылаю так поздно „Апокалипсис“. Уж очень трудно время, очень страшно».¹²

На письме — пояснение Перцова: «Из деревни Костромской губернии, где я жил зимой 1917–18 гг., мои знакомые, владельцы толоконного заведения, прислали Василию Васильевичу несколько коробок с толокном. Этим вызвано настоящее письмо, рисующее материальную обстановку последних дней жизни Розанова. — По ошибке Василия Васильевича оно было обращено к лицу («Анна Зиновьевна»), не имевшему никакого отношения к делу».¹³

Встревоженный бедственным положением Розанова, Перцов написал письмо художнику М. В. Нестерову.¹⁴ У самого Перцова дела тоже были, по его собственным словам, «дрянь дрянью» — работы на хуторе не было: «Разве „представители народа“ пошлют копать навоз...».¹⁵ Розанов пребывал в полном смятении и испуге. «Это ужасное замерзание ночью. Страшные мысли приходят <...> Впечатления еды теперь главные»,¹⁶ — отметил Розанов в «Апокалипсисе нашего времени». Отныне в апокалипсисе большевистской России Христос воспринимается Розановым как главный виновник произошедшей катастрофы.¹⁷ Все выпуски «Апокалипсиса...», где тема гибели старой России пересекается с антихристианскими эскападами, посылались Перцову.

1 апреля (19 марта) 1918 года Розанов завершил текст, который должен был войти в последующие выпуски «Апокалипсиса...». Фрагмент был озаглавлен «Перехожу в еврейство».¹⁸ Сообщив Перцову о завершении заключительного параграфа, он сразу отправляет в Кострому письмо: делится новыми мыслями по поводу идей, казалось бы только что запечатленных им.¹⁹ На письме помета Перцова: «о еврействе». Текст наполнен антихристианской хулой. Противопоставляя Ветхий Завет Новому, Розанов говорит, что Иисус Христос «не был религиозен», так же как и Апостолы, а Евангелие — «религиозно-тупая книга»: «Все — Дух тьмы, из Духа тьмы...». Он пишет о своей приверженности Ветхому Завету, а не «чепухе» христианства. «Ну, что мне

¹⁰ См. прим. 6 к п. 1.

¹¹ См. прим. 3 к п. 1.

¹² ГЛМ. Ф. 253. Оп. 1. № 35. Л. 27.

¹³ Там же.

¹⁴ Письмо Перцова к М. В. Нестерову 1918 года не удалось обнаружить в архивах. С. Н. Булгаков писал: «М. В. Нестеров, по письму П. П. Перцова, очень встревожен острою нуждою Розанова; заразил и меня этой тревогой» (Письмо С. Н. Булгакова к П. А. Флоренскому от 21 марта 1918 г.; см.: Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергеем Николаевичем Булгаковым // Архив священника Павла Флоренского. Томск, 2001. Вып. 4. С. 150–151).

¹⁵ См. п. 10.

¹⁶ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 21.

¹⁷ Переоценка христианства предпринималась Розановым на протяжении всей его жизни. См.: «Темный лик» (1911), «Люди лунного света» (1912), «В темных религиозных лучах» (1910) и др.

¹⁸ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 140.

¹⁹ См. п. 2.

Христос? — вопрошает он. — Совершенно *чужд*, и это просто по вере моей, которую Вы знаете». ²⁰ Антихристианские выпады в письме следуют один за другим.

Перцову, следившему за ходом розановской мысли на протяжении многих лет, его антихристианская направленность была прекрасно известна. Его обращение к Розанову как к «милому моему антихристу» ²¹ с точки зрения Перцова должно восприниматься в качестве комплимента. Тем более что Перцов и ранее наделял его подобным именем, наблюдая за тем, как Розанов «штурмует христианство»: «Ну что же Вы, к<ак> не предшественник Антихриста? — писал он ему в 1898 году. — <...> И уж если построят когда-либо в к<аком>-н<ибудь> антихристовом Риме новую, „его“, Сикстинскую капеллу и новый М<икель>-Анжело ее распишет, конечно, поместит он в люнетах ее портрет Вас. Вас. Розанова с арабеском из цифры 666 вокруг». ²² Перцову было знакомо и давнее пристрастие Розанова к Ветхому Завету, иудаизму. Розанов вернулся к своей излюбленной теме — религии пола. Ядро размышлений Розанова «с требованием религиозного быта», ²³ — как формулировал Перцов, — сохранилось без изменений на протяжении всей его жизни.

«Розанов, — писал он позже, — отнюдь не еврей (как он сам о себе думал). Еврей неотделим от идеи Мессии, а Розанов вынимает из иудаизма именно эту идею. Вместо духовного человечества (мистический идеал еврейства), он удовлетворяется простым, посторонним, земным человечеством. Его влечет лишенное всякой „цели“, почти позитивное упоение *игрою быта*, заслоняющее от него бездну и создающее „жизнь“ в переливах цветов на поверхности (стихия театра). Это семитский Восток *вне* еврейства — те „жрецы Ваала и Астарты“, которых проклинали пророки Израиля». ²⁴

Напомним, что в 1900-е годы оба, и Розанов и Перцов, входили в кружок Мережковских, критиковавших историческую церковь и пытавшихся создать Новую церковь. Розанов тонко подметил эту внутренне сохранившуюся связь Перцова с прежними идеями: «Опять Мережковского», — обронил он в письме, как бы ненароком. В давние времена Розанов называл Перцова «alter ego» Мережковского. С этой точки зрения любопытна запись Перцова, сделанная им в 1916 году: «Новая церковь. К этому переход у Мережковского, и завершение у меня (Розанов — чистое отрицание — только критика)». ²⁵ Перцов совершенно верно подметил, что о Новой церкви Розанов и не помышлял, в отличие от Перцова, который к осени 1918 года завершил свою философскую книгу «Основание пневматологии» — об этом он упоминает в письме к Розанову от 7 сентября 1918 года. Название книги происходит от двух греческих слов: πνεῦμα (пневма) — дух, и λόγος (логос) — слово, речение, т. е. — учение о Святом Духе. С 1897 года, почти с начала знакомства с Розановым, Перцов занимался философским, теологически ориентированным исследованием под названием «Основание диалогии». ²⁶ Он строил «древо бытия». Его больше волновала религия духа, а не плоти, в отличие от Розанова, который писал, ²⁷ что ему совершенно чужды «все эти религии Духа» и что в нем развился фаллический культ.

В конце марта Перцов получил четвертый выпуск «Апокалипсиса...» с антихристианскими выпадами. ²⁸ Он выразил свое впечатление предельно кратким иро-

²⁰ Там же.

²¹ См. п. 5.

²² РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 78. Цит. по тексту письма, подготовленному О. Л. Фетисенко.

²³ Цит. по: Перцов П. П. Литературные афоризмы / Публ. Т. В. Померанской // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVII–XX вв. М., 1994. [Т.] I. С. 235.

²⁴ Там же. С. 236.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 54. Л. 86 об. Сохранился сборник статей Перцова «О Новой церкви», подготовленный им в послереволюционные годы (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 33).

²⁶ См.: Перцов П. П. Введение в «Диалогии» / Публ. А. В. Лаврова // Канун: Альманах. СПб., 1996. Вып. 2. С. 217–243; Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология нестроенной системы (1897–1947) / Резниченко А. И. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М., 2012. С. 253–299.

²⁷ См. п. 2.

²⁸ В IV выпуске, в первой главке, названной «Правда и кривда», Розанов писал: «...„дела плоти“ он объявил грешными, а „дела духа“ праведными. Я же думаю, что „дела плоти“ суть глав-

нично-шутливым письмом, завершив его пародией на христианскую молитву: «Аллилуйя! Живота нашего...». Розанов задело письмо, особенно покорило сравнение его с Чичиковым. Один из фрагментов текста «Апокалипсиса...» он озаглавил: «„Чичиков“ П. П. Перцова»: «Петр Петрович не разобрал: Чичиков — обманщик и плут (как я выразился, «все русские немножко сутенеры, и живут на чужой труд»)».²⁹

Обиженный Розанов прекратил переписку, однако летом 1918 года адресовал Перцову «прощальное» послание.³⁰ Это замечательное письмо занимает восемь листов. Написанное на узких полосках бумаги, покрытых мелкими бисерными буквами, оно чрезвычайно хаотично. Начав с благодарности Перцову за 20-летнюю дружбу, Розанов перебрасывается на критику «славянофильского гнезда» на Павловской улице, вспоминает друга «Савушку» Эфрона, размышляет об иудаизме и поносит Христа. Завершается письмо сообщением о том, что именно в Сергиевом Посаде ему пришла в голову мысль, что Христос был «в половой организации ни то ни се».³¹ Разорванность мысли, перебрасывание с одной темы на другую в письме — все это чрезвычайно похоже на заготовки фрагментов текста последней книги «Апокалипсиса нашего времени». Энергия его творческой мысли поразительна. Перцов получил это письмо только в июле 1919 года, после кончины Розанова.³²

Позже Перцов, рассуждая о противоречивости личности Розанова, пришел к следующему заключению: «Самое важное в Розанове, что его „антихристианство“ *вовсе не демонично, а тоже религиозно (по крайней мере, так в своем истоке)*. Это самое оригинальное и знаменательное в нем...».³³

Переписка, которую оба корреспондента оценивали очень высоко,³⁴ готовилась Перцовым к публикации, но издание не осуществилось.³⁵ «Как эпистолярный мастер, — писал Перцов, — Р<озанов>, конечно, такой же unicum, к<ак> стилист

ное, а „дела духа“ — так, одни разговоры. „Дела плоти“ и суть космогония, а „дела духа“ прилизительно выдумка» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 22).

²⁹ Там же. С. 370–371.

³⁰ См. п. 6.

³¹ Ср. высказывания об Иисусе Христе во втором выпуске «Апокалипсиса нашего времени»: «...вообще он „без зерна мира“, без — ядер, без — икры; не травянист, не животен; в сущности — не бытие, а почти призрак и тень; каким-то чудом пронесшаяся по земле» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 15).

³² Получив письмо от Н. В. Розановой о смерти отца, Перцов 9 (22) февраля 1919 года отправил письмо-соболезнование: «Гений покойного будет негасимым светочем для несчастной России, которую так проникновенно понимал и глубоко любил он своим мятущимся сердцем. Душа плачет об уходе его от нас, хотя знает, что смерти нет, и этим знанием и многим, многим обязан ему. Простите, нет сил и умения передать все то, что волнует меня! Скорбь не красноречива и утешать не умеет; я любил и люблю Василия Васильевича — большего сказать не могу, да и не надо» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 24. № 481. Л. 11 об. — 12).

³³ Перцов П. П. Литературные афоризмы. С. 235.

³⁴ Ср. отношение Розанова к письмам Перцова: «А знаете ли Вы, что „Correspondence de Pierre Perzoff à Basile Rosanoff“ <здесь: «Послания Петра Перцова к Василию Розанову» (фр.)> может быть éd. <изд<ана> (фр.)> только en deux volumes <в двух томах (фр.)>? Перебираю все. Классифицирую» (Письмо Розанова от ноября 1916 года // РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 184. Л. 11). Мечтая продолжить серию «Литературные изгнанники», Розанов хотел включить в издание письма Перцова: «Из В<аших> бы писем надо отобрать $\frac{1}{10}$, $\frac{1}{20}$; и — в „Изгнанники“: оч<ень> бы ценно было. Не поставите ли красными чернилами „х“ (крестики)» (Письмо Розанова к Перцову от 15 февраля 1916 года // Там же. № 185. Л. 34а). Ср. более позднюю оценку: «Сейчас я занят вот каким делом: перечитываю и готовлю к „сдаче“ (продал) свои письма к В. В. Р<озанову>, случайно оставшиеся после 1917 г. не у него, а у меня <...> Это, вероятно, лучшие мои письма, и ведь я когда-то умел их писать» (Письмо к Д. Е. Максиму от 21 августа 1922 года // РНБ. Ф. 1136. № 35. Л. 20 об.).

³⁵ В 1922 году Г. А. Леман пытался издать два тома «Литературных изгнанников». Помимо переписки Розанова с К. Н. Леонтьевым и П. А. Флоренским он собирался включить и переписку с Перцовым. Леман писал Перцову 14 февраля 1922 года: «Первый том — его переписка с К. Леонтьевым — разрешен к печати, и я надеюсь еще до весны его отпечатать. 2-ой том пошли бы Ваши письма, потом — к Флоренскому» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 140. Л. 1).

вообще. *Пушкин, Тургенев, Чехов, он* — пятого, кажется, нет? Да и то еще Чехов много мельче, при всем внешнем мастерстве (все-таки он — «обыватель»)³⁶

Переписка печатается по автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства: Ф. 1796. Оп. 1. № 186 (письма Розанова); № 87 (письма Перцова). Авторские подчеркивания одной чертой выделены курсивом. Подчеркивания двумя чертами выделяются жирным полукурсивным шрифтом. Даты приводятся по старому стилю, а в скобках по новому стилю. Все письма Розанова не имеют дат, поэтому они датируются по пометам Перцова о дате получения.

³⁶ Письмо П. П. Перцова Д. Е. Максимова от 13 ноября 1930 года // РНБ. Ф. 1136. № 34. Л. 32.

1

Перцов — Розанову

<15 (28 марта) 1918 года;
дер. Масленицы Костромской губ.>

Чудак человек! Предлагает переписываться, а сам на 2 больших письма отделяется открыткой, да еще с «горшками»...

Толокно Вам послала не Зин<овье>ва¹ (та перевела 3-50 — дошло ли?), а Ек<а-терина> Никандр<овна> Соколова, владелица фирмы (см. коробку),² к<ото>рой я рассказал о Ваших монетах.³ Нестеров и С⁹ хотели устроить Вам сотрудничество в «Утре Росс<ии>» — удалось ли?⁴ И еще что-то...

Вася! Не разбалтывай чужие секреты! (о Флор<енском>).⁵ Хорошо, что я — молчок, к<ак> всегда...

М<ария> П<авловна> кланяется.⁶ Ну какая же она «у колонны стоящая»? Ничего подходящего. Привет всем Вашим!⁷

ПП.

1918; III, 15 (28).

На почтовой открытке: «г. Сергиев Посад / Московской губернии / Краснокувка-полевая улица; / д. свящ<енника> Беляева / Е<го> В<ысоко>Б<лагородию> Вас. Вас. *Розанову*».

¹ Анна Зиновьевна Зиновьева — костромская знакомая жены Перцова.

² Екатерина Никандровна Соколова — жена «толокняного короля», купца 2-й гильдии И. В. Соколова. На Соколовском заводе в деревне Иконниково под Костромой производили толокно, которое славилось не только в России, но и в Европе. Деревня Масленицы, где жил Перцов, соседствовала с деревней Иконниково. Перцовы поддерживали с Соколовыми дружественные отношения еще с дореволюционной поры.

³ Вероятно, речь идет о золотых древних монетах, составлявших часть коллекции монет Розанова и утраченных им в 1918 году. Коллекция была отдана в Петрограде в 1917 году на хранение в Государственный банк. Три самых любимых монеты Розанов оставил у себя. Его дочь Татьяна вспоминала: «Потерял он эти золотые монеты, когда ездил в Москву и на вокзале заснул; предполагали, что у него вытащили их из кармана, а возможно он их и потерял» (*Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. М., 1999. С. 90*).

⁴ Московская газета «Утро России» за контрреволюционную пропаганду была закрыта в апреле 1918 года.

⁵ Дом для Розанова в Сергиевом Посаде подыскал о. Павел Флоренский. Он писал Розанову: «Имеется великолепный (по Посаду) дом преп. Беляева с удобствами. Советую не упускать его, ибо в Посаде квартир *даже* неудобных *нет*. Ц. 60–70 р. Это *очень дешево*, ибо 1 комната тут теперь около 40 р. <...> Относительно провизии неважно, но лучше чем в Москве, и значит, гораздо лучше, чем в Петрограде. Пока что хлеб белый и черный дается, и сейчас — хороший. <...> Дом Беляева удобен тем, что там вся обстановка, кровати, даже посуда и утварь. Подушки Вам хотят дать Александровы. Если приезжаете, то приезжайте скорее, временно предлагают устроиться у них Александровы. Привозите свой архив, монеты, вообще все ценное, ибо я сильно опасуюсь, что в Петроград уже более Вам не попасть» (Письмо П. А. Флоренского к Розанову от 13 августа 1918 года // Розанов В. В. Литературные изгнанники: Книга вторая. М.; СПб., 2010. С. 193 (Собр. соч. [Т. 29])).

⁶ Перцова Мария Павловна (урожд. Бунина; 1872 или 1873 — после 1949) — гражданская жена Перцова с 1908 года.

⁷ Вместе с родителями в Сергиевом Посаде поначалу жили дочери Татьяна, Надежда, Варвара и сын Василий.

2

Розанов — Перцову

<не позднее 20 марта (2 апреля) 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Накопился, дорогой и милый Петр Петрович, — опять *мой*, опять *наш* и *славный*, даже, пожалуй, — *опять Мережковского* — такой большой ящик «дум», «впечатлений», пережитого и перебытого, что не знаю, бросить ли его под стол, или отослать «в Кострому, ящик № 30». И, прежде всего, я вот только что окончил последний заключительный § «Апокалипсиса», где не столько рассуждаю, сколько рассказываю, что если и не случится, что я перейду в Еврейство,¹ то лишь по лености одеть туфли: но что на самом-то деле я всегда был — неисповедимым распределением Судеб, — всегда евреем, хотя ни единой капли еврейской во мне и нет: молился Богу евреев, всего ждал от Бога евреев, всегда *главное* Его Одного любил. Ну, что мне Христос? Совершенно *чужд*, и это просто по вере моей, которую Вы знаете. Вы знаете, да и от всего мира не скрыто, что верю я «в Бога Творца и Вседержителя» и что все эти религии Духа² мне совершенно *посторонни*, такую глубокою и странною посторонностью, как я и не знаю. Да и в сущности, кроме Дим<итрия> Серг<евича> и Зин<аиды> Ник<олаевны>, все мы *женатые* и семейные и любящие и чтущие своих «Маш» и «Варь» — имеем ли мы право хоть заикаться о Христе? «Не падайте на *два* колена». «Два колена» = «два Бога». Лишь ленивые семинары не умеют прочесать этот пробор: что, конечно есть *év*, есть «*óv*»,³ и что Он — не только ПЕРВЫЙ, но и ПОСЛЕДНИЙ. Только чепуха христианства могла танцевать <так!> около ДВУХ. Только лень и косность богословов, т. е. черной и глупой семинарщины.

Приходила ли Вам на ум странная и потрясающая мысль, что Христос *не умел молиться*, не знал самого *тона молитвы*, что он не взял ни свирели, ни гуслей в руки, и ни разу не сыграл вдохновенно молитвы. Как ее играл постоянно поистине «Отец наш» Давид — постоянно, *неудержимо*. Вот молитва — Псалом. Что же это за молитва: «отче наш». Это — не молитва, а гауп<т>вахта. Какая же тут молитва, если это «2 × 2 = 4», где ни недоумения, ни тоски, ни зова, просто — ничего. Молитва в Гефсимании. Но что такое 2-3 кислых воззвания: «Но не как я хочу, Отче, а как Ты хочешь».⁴ Как это всё — учебно, как это всё — трафаретно. Христос как будто хотел (*основывая религию — нельзя этого избежать*) научить людей молитве — и *не мог* и *не смог*. Он всё рассказывал «притчи» «о сеятеле»,⁵ «о винограднике и виноградаре».⁶ Но *существенное*, но молитва? Чудес много, и опять-таки молитвы — ни одной. Молитвы, как устремления *души к Богу*. Душа Христа никогда не была устремлена к Богу, а только к Себе? «За кого вы Меня принимаете?» «А за кого люди Меня принимают?»⁷ Какие странные, какие дикие вопросы. Какие *не священны*, какие *по содержанию* — пустые.

Христос не был религиозен, не был очень религиозным лицом: а потрясал ли? Искал «от Писания» доказательств «сходства» или «единства» Себя с «обещанным Мессией». Да это «Розыск о Брынской вере» Димитрия Ростовского.⁸ Как же «Бог» может «так» поступать? Какой же «Бог» ищет «доказательств» Себя. Вы помните и все знают Синай — «Вот как Бог говорил».⁹ И «говорил Иову — в буре».¹⁰ И «творил мир — в Бытии». И всё в последний раз сказал — в Апокалипсисе. И — замолк: предоставив дело — судьбе. И вот — «Судьба Христа» и Его «тысячелетнего царства», по-видимому, хочет закончиться. Просто — ничего нет и, по-видимому, даже не было. Тайнственная роль Христа заключалась в «привести людей к безбожию». Но —

не удалось. Пришел Розанов, всею душою любивший всегда Бога, и напомнил им о Боге. Работа началась. В безбожии-то Спасителя — всё и дело.

Дело в провале с началом христианства самой идеи, самого чувства Бога. Самой совести — Бога. Отсюда полез необозримый обряд, как попытка заменить Бога, «религиозные тайны», «религиозная политика», как не попытка же и попытка заменить хоть чем религию. Христианство есть попытка какой-то Тени Бога, какого-то «наизнанку Бога» заменить молитву как сущность обращения души к Богу, ну — миссионерством. («Деяния Апостолов»¹¹): а au fond:¹² злоба, ненавидения людей друг к другу, и разделение церквей;¹³ коему, конечно, никогда конца не наступит. Все — Дух тьмы, из Духа тьмы... Господи, до чего очевидно. До чего *не религиозны* Апостолы: ни один Богу не помолится, столько пропутешествовав, когда Иона, даже попав в чрево кита, уж «воззвал».¹⁴ Вот чего не замечено в Евангелии, что это есть религиозно-тупая книга, совершенно лишенная религиозного света.¹⁵ И вот — богословие: где уже совершенно нет молитвы. Христос, собственно, основал богословие. Это — так. Но еще вопрос: не есть ли богословие извращенная молитва, молитва «на выворот», спина молитвы, а — не лицо ее. «Лица»-то, вообще даже лица человеческого — в богословии и нет.

Поцелуйте милую, прекрасную Машу за меня. Эх, мы — женатые — ей-ей лучше. «Женатые по Ветхому Завету».

Так вот, мой милый и дорогой: Заветов, конечно, может быть *только один*. Ни — три, ни — два, а только — один. А как, «с чего *всё началось*», уже конечно — «то», от — Авраама и Моисея — то выбирать — просто не приходится, нет — самого выбора, ибо если «то рушится» или «рушилось бы», то конечно — и *это* рушится. Словом: если Евангелие и рушится, то Моисей и Авраам *еще останутся*; но если Моисей и Авраам, то ни их, ни Христа и христианства *уже не останется*. Как же и откуда выбирать? Выбора нет. Есть: «бери», есть «*приказание: бери*».

Это — так ясно. И я — решил. По лени, по старости — м<ожет> б<ыть> — не сделаю. Но душою давно сделан выбор. Собственно — с тех пор, как я *начал* писать о браке.¹⁶ «Д — brrrak!». Насмешливо писал мне в письмах Рцы.¹⁷ Он же тогда уж мне заметил устно: «Точно будто, когда Вас крестили, — то крещение *не подействовало*». Действительно — не подействовало: и это явно выразилось в том факте, что во мне так развился и развился фаллический культ, или то необозримое/неизъяснимое, что в нем содержится.

Я наконец счастлив: Елов¹⁸ и в Москве Леман¹⁹ берутся издавать меня, и уже Александрову я заплатил *сто* руб.,²⁰ и Елову из аванса тоже сто пятьдесят рублей уплатил же. Это — продав «Русскую Церковь» и «Место христианства в истории».²¹ А ведь это — прямо «тысячная долька» моих писаний. Только все-таки толочка нужна.²² Это — *лечение* Вари.²³

В. Розанов.

Датируется по карандашной помете Перцова о получении письма: «1918 20/III (2/IV)». На письме помета Перцова: «о своем *еврействе*».

¹ См. вступ. статью, с. 115.

² Имеются в виду концепции Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус о Третьем Завете, Царстве Духа, которое откроется человечеству в будущем. См.: Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус) // Русская литература. 2017. № 3. С. 222–242; № 4. С. 166–194.

³ «есть», «Сущий» (*греч.*)

⁴ Имеется в виду молитва Иисуса Христа в Гефсиманском саду об отвращении от Него чаши страданий. Неточно цитируются слова Христа (Мф. 26: 39).

⁵ Одна из притч Христа, рассказанная тремя евангелистами, о семенах, брошенных в землю. Одни семена принесли плоды, а другие погибли (Мф. 13: 3–8).

⁶ Притча Христа о хозяине, который отдал свой виноградник в управление людям. Когда пришло время собирать плоды, то хозяин отправил к виноградарям слуг, потом сына — все они были убиты злыми виноградарями (Мф. 21: 33–41).

⁷ Неточно цитируются слова Иисуса Христа, обращенные к своим ученикам (Мф. 16: 13, 15).

⁸ Речь идет о книге Димитрия Ростовского «Розыск о Раскольнической Брынской Вере, о Учении их, о Делах их и изъявление, яко Вера их неправа, Учение их душевредно, и Дела их не

Богоугодна», обращенной против идеологии раскольников (первое изд.: М., 1745). Автор задавал вопрос о правоте веры раскольников и доказывал, что у старообрядцев нет истинной веры, учение их еретично.

⁹ По библейскому преданию, в Египте на горе Синай Бог дал Моисею 10 заповедей (Исх. 20: 1).

¹⁰ Иов 38: 1.

¹¹ Основная тема «Деяний святых апостолов» — развитие христианства после воскресения Иисуса Христа.

¹² в сущности, в основе; *здесь*: в результате (*фр.*).

¹³ Имеется в виду церковный раскол 1054 года, когда произошло разделение церкви на Римско-католическую на Западе с центром в Риме и православную на Востоке с центром в Константинополе.

¹⁴ Библейская история о наказанном Богом за непослушание пророке Ионе, проглоченном китом (Иона 2: 1–11).

¹⁵ Розанов развивает идеи, высказанные в «Апокалипсисе нашего времени»: «Поразительно, что совершенно никем в мире не было замечено, что книга Евангелий не только не есть книга *любви*, но есть книга до того глубокого ненавидения <...>» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 120); «Почему-то таинственно и неисповедимо людям никогда не пришло на ум, что Евангелие есть религиозно-холодная книга, чтобы не сказать — религиозно-равнодушная» (Там же. С. 45); «Евангелие не только не имеет ничего общего с Библией, но представляет до такой степени *разрушение всей Библии*, ее духа, ее вдохновения, ее „пророчеств“, ее ВСЕГО СМЫСЛА <...> Нужно *никогда не раскрывать Библии*: или уж если раз раскрыта Библия — никогда не нужно читать Евангелия... Никогда, никогда, никогда» (Там же. С. 147; запись 18 июня 1918 года).

¹⁶ Центральной темой творчества Розанова был брак, который имел исток в Ветхом Завете и языческих религиях плоти вне христианства.

¹⁷ Речь идет о письме Рцы (псевд. И. Ф. Романова) к Розанову от 16 мая 1900 года: «...я глух к Вашему лейт-мотиву. C'est du bras, encore du brrrrack!!!» (1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / Подг. изд. А. П. Дмитриева и Д. Федорова. СПб., 2014. С. 87; впервые: *Федякин С. Р.* Вокруг Розанова: Рцы // Литературная учеба. 2000. № 4. С. 106–179).

¹⁸ Елов Михаил Савельевич (1862–?) — книготорговец в Сергиевом Посаде. Магазин Елова существовал с 1899 года и располагался около Троице-Сергиевской лавры на Красногорской площади. Здесь продавались выпуски «Апокалипсиса нашего времени».

¹⁹ Леман Георгий Адольфович (1887–1968) — издатель, переводчик. В письме, написанном на рекламном бланке «Издания Г. А. Лемана и С. И. Сахарова», «нижеподписавшийся, коллежский советник и литератор Василий Васильевич Розанов», предлагал приобрести право напечатания на выбор издателя для серии «Литературные изгнанники» писем к нему К. Н. Леонтьева, И. Ф. Романова (Рцы), С. А. Рачинского, Ф. Э. Шперка и др. (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 40. Л. 1). Леман согласился. В августе 1918 года Розанов просил о выплате гонорара: «Простите, что в этот страшный год, незабываемый год, когда стонет и истязуется всякая тварь, от лошадей, которые тоже, кажется, „пошли — в пищу“, и до человека, который „лошадиной убою“ питается, я еще раз прошу Вашего внимания. Очень трудно именно в начале месяца мне: и прошу Вас высылать мне 200 руб. не в последних числах месяца, а — в первых. Напр<им>ер, > от 5-го до 12. Т. е. теперь за август, теперь же выслать. Нельзя ли бы было Вам предложить к напечатанию 3-й том моих „Опавших листьев“: они, как и „Уединенное“, разошедшееся в один год (2800 экз<емп>ляров), расходились быстро, — и мне передали слух: в Петрограде за держанный экземпляр платят уже 25 р.» (Там же. № 278. Л. 1). Однако в 1918 году издание не состоялось. Позже Леман организовал кружок по изучению творчества Розанова, за что и был в 1926 году арестован. См. прим. 34 к вступ. статье.

²⁰ Речь идет о возврате долга журналисту Анатолию Александровичу Александрову (1861–1930), одному из инициаторов переезда Розанова в Сергиев Посад. По воспоминаниям дочери Розанова Татьяны, он дал займы Розанову 200 руб., чтобы Татьяна смогла осенью 1918 года перевезти оставшееся в Петрограде имущество: книги, рукописи отца (*Розанова Т. В.* «Будьте светлым духом»... С. 81). Александров вместе с женой Евдокией Тарасовой жил в Сергиевом Посаде неподалеку от Розанова на Бульварной ул., д. 13.

²¹ Розанов обращался с заявлением в книжный магазин Товарищества А. С. Суворина «Новое время» с просьбой произвести годовой расчет за проданные книги и выдать М. С. Елову для передачи Розанову 200 экземпляров брошюры «Русская церковь и другие статьи» (СПб., 1909) (РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 38. Л. 1 об.).

²² См. прим. 2 к п. 1.

²³ Жена Розанова — Варвара Дмитриевна Бутягина (урожд. Руднева; 1864–1923), была парализована с 1910 года.

3

Перцов — Розанову

<28 марта (10 апреля) 1918 года;
дер. Масленицы Костромской губ.>

1918 28 III

Друг мой!

Вы — какой-то *Чичиков в религии*.

«Благополучия живота нашего надежде нам ныне и присно, и во имя веков».

Припев: «Аллилуйя! Живота нашего, живота! Аллилуйя!» (трижды).

Это — «впечатление от 4-го выпуска».¹ Addio.

П. П.

¹ Имеется в виду четвертый выпуск «Апокалипсиса нашего времени» (Сергиев Посад, 1918). С середины ноября 1917 года по 2 сентября 1918 года вышло десять выпусков «Апокалипсиса...».

4

Розанов — Перцову

<не позднее 6 (19) апреля 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Вот что, милый Друг! Сообщите мне *спешно* для посылки *денежного перевода* или *свой адрес*, или адрес г<оспо>жи Соколовой.¹ Я переведу ей 30 рублей, с просьбою выслать толокна на эту сумму. Мы (последняя коробка на донышке) очень разрешили употребление его и у Варв<ары> Дим<итриевны> с почками опять не ладно, хотя и не так угрожающе. В *Посаде никогда его нет*, очевидно — и в России его «почти нет»: наверно у г<оспож>и Соколовой «запасено про себя». Пусть будет благодетельница, поделится для больной. Кроме того через «Апокал<ипсис>» я непременно сделаю ей, и *не в благодарность вовсе*, а по самому делу и по нужде России, самую чудную рекламу.²

В. Розанов

На почтовой карточке: «В Кострому / Почтовая контора / Ящик № 30 / Его В<ысокоблагородно> / Петру Петровичу Перцову». Датируется по карандашной помете Перцова на письме: «1918 6/IV». Ответ на п. 1.

¹ См. прим. 2 к п. 1.

² Розанов был настолько обрадован подарком, что писал 26 августа 1918 года Э. Ф. Голлербаху: «И вот — женщина. Не знаемая, из родной Костромы <...> И прислала 6 фунтов чистейшего толокна, сухого, здорового: по 3 чайных ложки на стакан горячего молока. И верю я, выйдет через два месяца, и она еще придет. <...> Спасибо, дорогая, милая, незабвенная. <...> Думал поместить в Апокал<ипсис>» (Розанов В. В. В нашей смуте. М., 2004. С. 365–366 (Собр. соч. [Т. 17])). Ср. фрагмент текста, опубликованный в 2000 году: «Соколова с толокном. Так помогает от почек и утомленного сердца (жена). О, други мои. Спасибо» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 192).

5

Перцов — Розанову

<9 (22) апреля 1918 года;
дер. Масленицы Костромской губ.)

1918 (22) 9/IV

Милый мой антихрист! О толокне Вам напишет Маша.¹ Его мало или даже вовсе нет. Всё стоит теперь весьма дорого: 5 р. фунт + еще пересылка. На 30 руб. получите

(если получите), должно быть, фунтов 5 — не больше. Оно есть в Москве во многих «колониальных» — кажется, тоже 5 р. Чуть ли его и совсем не перестанут делать — благодаря все тем же всеобщим «грабизациям».² Адрес же Соколовых — *тот же, что наш: ящик 30, Ив<ану> Вас<ильевичу> С<около>ву*.³ — Ну, addio! Не сердитесь за «Чичикова». Но это правда: какая же у Вас «религия»? Религия всегда (и в иудаизме) есть некое «au delà»,⁴ а у Вас благоутробие живота моего. И только.

П. П.

На почтовой открытке: «г. Сергиев Посад, / Московской губернии / Красюковка-полевая улица; / д. свящ<енника> Беляева / Е<го> В<ысоко>Б<лагородию> Вас. Вас. Розанову». Ответ на п. 4.

¹ М. П. Перцова.

² «Грабизация» — неологизм, образованный из слов «грабить» и «реквизиция» (официальное обозначение большевистских грабежей). После 1917 года все имущество купцов Соколовых — завод по производству толочка, маслобойня, лесопилка — было национализировано.

³ См. прим. 3 к п. 1.

⁴ потустороннее, загробное (фр.)

6

Перцов — Розанову

<12 (25) августа 1918 года; Москва>

Москва

1918 12/VIII

Дядя Вася! Я в Москве; хорошо бы повидаться, перекинуться словечками. Мы хоть и ругаемся, но в глубине души...

Приехать к Вам в Лавру? Но какие поезда? Есть ли возможность обернуться в один день? А если невозможность, то есть ли где переночевать там?

И есть ли где и чем *питаться*? Столовая и т. п.?

Черкните *мне* по адресу: Москва, Землянка, Тетеринский пер., 9; кв. 11; или Большая Молчановка, 23; кв. 25.

По первому адресу живу я сам; по второму живут мои вещи. Из первого места я хожу во второе и эти вещи распродаю. В этом заключается цель моего московского пребывания.

Я проживу здесь еще дней до 10.

Вчера видел Нестерова.¹ Ух, как зол!

Как здоровье Варв<ары> Дмитр<иевны> и всех Ваших? Маша в деревне.²

Опять у Вас судьбины какие-то? Это всё Карташов <так!> мутит — несостоявшийся министр.³ Один из Кречинских, у которых «сорвалось»!⁴ Никогда я не симпатизировал этому мистическому карьеристу.

Ваш П. Перцов

¹ Оба, и Перцов, и Розанов, были дружны с художником М. В. Нестеровым. Приезжая в Москву, Розанов останавливался у Нестерова, семья которого осенью 1917 года, чтобы «подкормиться», уехала в Армавир: «...М. В. Нестеров, у которого я ночевал ночь, попрощавшись со мною рано вечером, поспешно лег спать, так как обязан был от 3-х ночи до 6-ти, выйдя на мороз, дежурить на дворе, Новинский бульвар, дом 101 князя Щербатова. Привожу адреса, чтобы не показаться неточным <...> М. В. Нестеров должен сторожить улицу. Ему 50 лет, и он умеет водить только кистью. Все рисовал „Св. Русь“ и „Отрока Варфоломея“» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 123–124). В 1918 году Нестеров уехал к семье в Армавир и вернулся в Москву в 1920 году. Сохранилась рукопись Перцова «История русской живописи» с главой XX «Нестеров». См.: Давыдова Г. В., Едошина И. А. Неизданная работа П. П. Перцова // С. Н. Дурьлин и его время / Сост. и ред. А. Резниченко. М., 2010. Кн. 1. С. 361–415 (сер. «Исследования по истории русской мысли»).

² М. П. Перцова находилась в деревне Масленицы.

³ Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) — председатель Петербургского Религиозно-философского общества с 1909 года, один из активных инициаторов исключения Розанова из Общества (его письма к Розанову 1913–1914 годов см.: РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. № 22). Перцов дал ему следующую характеристику: «Карт<ашев> — умен, блестящий оратор и большой хитрец (сейчас заметная фигура в эмиграции)» (РНБ. Ф. 1136. № 34. Л. 15). Во Временном правительстве занимал пост министра исповеданий. После большевистского переворота 25 октября 1917 года был арестован. 26 января 1918 года, когда Поместный Собор, избравший его членом Высшего Церковного Совета, возобновил работу второй сессии, был временно освобожден. Возможно, в письме речь идет о дошедших до Перцова и Розанова слухах об организации Карташевым «Братства Святой Софии», которое должно было объединить православную интеллигенцию. Истоки Братства восходили к Петрограду. Летом 1918 года, когда Карташев оказался в Москве, он ездил в Сергиев Посад и встречался с о. Павлом Флоренским.

⁴ Намек на персонажа Кречинского в пьесе А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1854), вынужденного бежать из Москвы, и на его реплику «Сорвалось!» в финале пьесы.

7

Розанов — Перцову

<после 12 (25) августа 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Дорогой и милый П<етр> П<етрович>, я получил от Вас 2 оч<ень> грубых письма, «Чичиков» и карандашом: и т<ак> к<ак> вижу, что настал «кризис» нашей дружбы, то хочу Вам сказать «на прощанье» или (лучше бы) *не* на прощанье, что вся та великая и прекрасная дружба, какая нас связывала без малого 20 лет, остается во мне, что я никогда не забуду «того Петю Перцова», который приехал ко мне на Павловскую знакомиться,¹ и всю ту бесчисленную помощь «делом, словом и помышлением» (а ведь «дела»-то всегда вытекают, конечно, из *помышления*),² какую видел и наконец какую испытал, т. е. вобрал плоды ее в себя, спасся. После Саввушки Эфрона,³ — тоже милого и незабвенного, Вы — пришли ко мне *вторым*. Вы, тогдашний! декадент, пожалуй — декадент «под Мережковским». Если, пожалуй, взять еще Фёдорова из «Торг<ово->пром<ышленной>»⁴ — то вот и *все*. На этой «ужасной Павловской, д. 2 Ефимова», я жил под двумя славянофилами, Афонасьюшко <так!> Васильев,⁵ генерал-контролер Госуд<арственного> Контроля, ходивший в армячке и в мурмолке, сочинявший стихи и прозу в память Хомякова и издававший «Благовест» «для пользы службы», т. е. писавший в нем дифирамбы Филиппову⁶ и инвективы против врага и гонителя Тертия, Витте.⁷ Второй был гениальный тунейдец Рцы.⁸ Еще третий жил где-то на Зверинской улице, против Зоологического сада, «жених своей невесты», Шаррапка:⁹ *gamain*,¹⁰ озорник, но — милый в общем человек. С Рцы я был в переписке из Белого, очень интересной и очень идейной, и Рцы именно и пригласил меня из Белого, «остановиться *тут*, в славянофильском гнезде».¹¹ Я был какая-то «начинающая знаменитость из провинции», и вот, после «нехорошей встречи» с Тertiем (сразу оба не понравились друг другу, необъяснимо и почему)¹² началось «спускание меня по государственной службе», где кусательную сторону составляло, конечно, жалованье: после 150 р. в Белом, где я за квартиру в 8 комнат платил 25 р., я получил «прикомандированный к Афоньке» — 100 р., с квартирою в 37 р. из 4-х комнатушек «во двор». Ну, а провизия — уже не как в Белом, где пара «рябцов» (рябчики) неизменно стоила 30 коп., т. е. 15 к. рябчик, и говядина — 10 к. «черкасская», и молоко — латышка Штэкмо носила — почти даром. А жалованье убавилось на 50 р. И вот я помню ужасы почти хохота внутреннего надо мною как «знаменитостью будущей в литературе» — этих Афоньки (в *основе* же Филиппова, конечно, страшно честолюбивого и «притязавшего» на литературность «академика»), и Рцы (да! да! хотя — «друг», но — неудачный в литературе «друг», и Шаррапки, коего в журналах вообще нигде не пускали за необразованность, легкомыслие и вообще его шалопайность, хотя очень милую). Тут еще приехал, недели через 4 позднее меня, Н. П. Аксаков, с бородою, медленно и важно «вещавший», и который — как я сразу не понравился Филиппову — так сразу же

и тоже необъяснимо, понравившийся Филиппову («Главное наше всеобщее начальство»). Аксакову сразу назначили 3. 000 в год, т. е. 250 в месяц, хотя он вовсе нигде дотоле не служил и кончил курс в Гейдельберге, без русского воспитания и вообще без русской школы,¹³ — и *всякой*. Но они все, Третий, Аксаков, Афонасий (тоже длинная борода) — были тусклы, скучны, невыносимы и неудачны в литературе: и это их как-то «связывало» и объединяло, внутренне дружило и «сердце сердцу весть подавало».¹⁴ И вот — славянофилы. Захлебываются Хомяковым, И. С. Аксаковым и «всеми Аксаковыми, сколько их ни писало»,¹⁵ Самаринскими и тоже «сколько их ни писало»:¹⁶ и с какою-то адской злобой, ненужно (им) и беспричинно, без вызова с его стороны (так, «молчу») — прямо ненавидят одного только Розанова и по той причине, что (кроме одного Рцы) он скучает с ними и «речь не плетется». Но я бы пожелал видеть человека, у которого «плелась бы речь» с Афонасием.¹⁷

Ужасы, *много лет*, которых описывать не стоит. И вот — приезжает П. П. П<ерцов>;¹⁸ да, раньше его — Эфрон — тоже ведь «неудачник», и «гибнущий»: и сразу с взлета, помог мне, устроив сотрудничество в «Свете» Комарова¹⁹ с ежемесячным жалованием 100 р.

Спасен!!

Розанов — спасен.

Я даже и *не просил его* (не догадался), он же — только раз попил у меня чайку на Павловской. Милый Саввушка, милый Саввушка, ненаглядный, прекрасный. Я всегда ему мысленно целую руки, неумытые, неуклюжие, и так он был вообще жидёнок, смешной, наивный, чуть-чуть хвастунишечко, с претензиями на важничанье. Тут-то я впервые рассмотрел евреев, насколько в них много ясности, доброты и благородства, — вопреки подлой косности и высокомерия и зависти русской или вообще христианской. Какой ум у Рцы, гений, и что такое «ум Ефрона» против *его* ума воистину Тютчевского.

«Я — жидочек бедный,
Маленький, смиренный.

Но за то моя душа
Як червонец хороша».

Да: и Во-Истину хороша. И я не только руки, но и ноги целую этим «жидкам из гетто» с их цимбалами, с их музыкой, с *их музыкальной душой*, за которую, за музыкальную душу, несомненно и выбрал Бог себе «в завет Авраама». Тайна жида — вовсе не в уме (они не очень умны), даже — не в деятельности, деятельном характере. Их глубокая тайна лежит в особом говоре сердца, «от души к душе», без посредства, почти без звуков, без слов; и — в неизъяснимом благородстве, почти не выговариваемом, и которому нельзя «произвести арифметического расчета». Только болваны — всемирные историки не догадываются, что без «жидка» гаснет всемирная история, что сразу и все Капитолии и даже Парфеноны гаснут без «Псалтири», без «Песни песней», и вообще

БЕЗ БИБЛИИ.

«Нет Библии» — и «не нужна всемирная история».

Вот *этого-то* историки и не сообразили. *Сердце* всемирной истории; ее неизъяснимое тепло, ее даже неизъяснимая *горячность* и есть Библия, «Иов», «Руфь», «Псалтирь» — около чего все Парфеноны и Капитолии — всего квартира, и при том — нетопленая, а только «с картинами повешенными», и шторами, и там «лепка» по стенам в сущности *нежилой* комнаты. Станный нежилой вкус во всемирной истории; точно это манекеныдвигающиеся, все эти Сципионы,²⁰ точно — из крахмала и алебастра. Голоса не слышишь: все Демосфены и тем паче Цицероны около пророков обращаются в безголосых. И это — не только Исаия, но и «из малых», Иоиль и прочее. Но оставим — никогда не кончу. Да, вот в чем дело: я не переносу нисколько «впечатлений Библии» на современного жидка, напротив совершенно именно из «современного жидка», глушенького и наивного, но чистосердечного (в *этом* всё дело) я впервые

и разгадал: да в чем же тайна *очарования* Библии. Тайна: около Библии все книги кажутся ложью. Просто — ненужное, пустое и не то чтобы объективно ложное, но в смысле вот «раскрытого сердца» они, конечно, суть все пустые. Не умею, не могу высказать. Брожу: и вот приходит задумчивый Перцов. «О чем думаешь, человек?» Моргает. «Да кто ты?». Тоже моргает, смотрит вдумчиво — любяще, и отвечает: «а (глухота) — я декадент». О декадентах Пав<ел> Ал<ександрович> Флорен<кий> впервые сообщил мне и «с ног сшибательную» <так!> вещь, которая и в голову ни мне и никому в мире не приходила, что когда впервые стали попадаться на глаза ему декадентские «странности», то он будущему епископу Евдокиму, а тогда ректору Дух<овной> Моск<овской> Академ<ии> и редактору «Богосл<овского> вестн<ика>»²¹ читал их элементарности и бессмысленности и *сравнивал* их с продуктами раннего христианства, египетского отшельничества и прочее, говоря: «*Ведь это по стилию души — одно и то же*», то ректор был изумлен и сказал: «Конечно, это — один строй и музыка души». А, батенька? И вот, входят ко мне П. П. П<ерцов> «и прочие», и я (сам декадент, конечно) — узнаю «родные души», узнаю — безгласно, без говора, без доказательств.²² И хотя мы с «Дм<итрием> Сер<геевичем>»²³ — рассорились, но в сущности-то ведь мы — одно и то же. Флор<енский>, конечно, тоже декадент и слишком декадент. Он как-то сказал мне (тоже — удивительно!): «Я не считаю себя ни умным, ни замечательным человеком (мои частые и в глаза суждения о нем, раз при С. Н. Булгакове: я его сравнивал с Паскалем, *на которого он поразительно, до индивидуальности похож лицом!*²⁴), но новым человеком — считаю». Вы помните:

«Мы для новой красоты
Преступаем все законы
Переходим все черты».²⁵

Дело и *историческая тайна* заключается в том, что «после позитивизма [и реализма]²⁶ наступила, по закону прямого перелома, эпоха декадентства, во-истину без пророков и без гадательных птиц; прямо — как повернулось колесо истории — и «букашки на верхнем ободке колеса» очутились «головами книзу и *под* ободком», а «кверху поднялись совершенно другие». «За одну ночь вырос целый огород исторический». Не чудо ли? Да не сказать ли: это — Бог. «Где Чернышевский, где Добролюбов с Писаревым?» — «Прошли яко тени». «И Господь, вызвав новые души к существованию, — с позволения сказать взял да и убежал». «Разделяйтесь с ними, как знаете». Учителем был Писарев: а слушателем его — Мережковский; некто А. Ю. Кайзер²⁷ мне сообщил поразительную вещь: от какой-то Пименовой,²⁸ сотрудницы «Русс<кого> богатства» и личного друга семьи Михайловского он узнал, будто сын Михайловского, Марк,²⁹ естественник и талант, «наследие папаши», очень интересовался мною к<а>к писателем и всё «жалел» или «высказывался», что «не может» или «трудно» познакомиться со мною (В. В. Р<озановым>). Кажется, даже лично он говорил ему это после «†» Мих<айловского>, и я сказал ему «Ну, это поздно». Когда был жив Н. К. М<ихайловский> — я бы *пошел к нему, а теперь* — что же? Вообще перешло в многоотчие и тусклость по нашему русскому обычаю. Вскоре, кажется, и Марк умер. Вообще — не помню. Это уже было лет 8 назад, но вообще-то: вывод тот, что «Михайловский учил», а сын его *уже был декадент*, как я, как Вы, как Флор<енский>. Еще из предсказаний Флор<енского>: «Я *ожидая*, что в самом непродолжительном времени наступят величайшие перемены в душе человеческой, и, м<ожет> б<ыть>, в самой природе и организации человеческой». Еще спустя: «М<ожет> б<ыть> начнут рождаться люди, которые не будут просто *есть*». А, что Вы скажете? И еще, еще: «Слова Ницше о сверх-человеке — суть главные в его учении». Но Ницше был глубоко благородный человек и не имел в виду тех пошлостей, какие связывались с его Сверх-человеком. Он высказал свое *предчувствие* о появлении в ближайшей истории именно новых организаций человеческого типа, новых *species*'ов,³⁰ почти с органическим изменением, да и прямо и с органическим. Сперва он очень противился изданию моего «Апокал<ипсиса>», но хотя я и не говорю с ним ничего о моей книжонке, он — по общему

тону его отношения ко мне [это всегда чувствуется] не враждебен этому изданию, по страстному ненавидению им всей нашей культуры, т. е. европейской культуры, западной, с атеизмом, с демонизмом, с пакоствичеством и с пакоствью, вроде революции, вроде и в духе парламентов etc. Нужно заметить, мой «Апок<алипсис>» не имеет такого дурного характера, как о нем думают. Я нисколько не «против Хри<с>та», а вот моя мысль: «Не *происходит* ли поразительный атеизм Европы, поразительная утрата чувства Бога в христианстве, у христиан, именно от того, что они суть христиане, а не просто «божники», «Божьи люди» etc.; от мотива, что этот атеизм и не феноменален, а эссенциален, «в существе дела зарыт», «в зерне христианства скрыт», и, как я думаю или вот в Посаде особенно начал думать, что атеизм этот и идет от таинственной без'зёрности Христа, что Христос в сущности не имел фалла, был лишен фалла, что он был «в половой организации ни то ни сё», «Бог знает — что». Ну, ладно. Устал, 2-й час ночи. Я думаю, что если Вы дочитаете 50-й, 60-й выпуски «Апок<алипсиса>», и Вы скажете относительно Христа: «Да, что-то не ладное с Ним». «Кто он был в сущности — *мы не знаем*». Меня давно начало поражать, еще со времен службы в Контроле, отчего у христиан, у одних христиан — младенцы новорожденные умерщвляются так легко? Мне это кажется самым демоническим, типично демоническим. Мне кажется, мать, умерщвляющая своего новорожденного младенца, ну, пусть от стыда или чего угодно умерщвляющая, сама, конечно, не есть демон, но я не могу удержаться от мысли, что она «играет какую-то роль», последнюю и очень жалкую роль — в типически «демоническом комплексе явлений». И вот тут моя мысль кидается к безбрачию католического духовенства, к Григорию Гильдебрандту [«святой демон»]³¹ как звали его *современники*, очевидно *не без личного впечатления* [что-то такое было в великом папе] и «репка за репку» — в последнем анализе — в бес'фалличности Христа и след<овательно> в бес'семенности Его, Сударь-Батюшки, зачатии]. Вот видите, как я пришел к мысли «Апокал<ипсиса>». ³² У меня это не φαίνομένον, ³³ а — суть. Вся жизнь моя в сущности положена на это. «Что такое?», «Как?», «Почему?». У Канта: «Как могут происходить синтетические суждения а'priori», ³⁴ у Ньютона: «Как могут *падать* яблоки?». У Р<озано>ва: «Как<им> образ<ом> в религии благости», «не задувающей курящегося льна» и «не надламывающей треснувшей тростинки», могут младенцы умерщвляться в сущности и отдаленно по воле [мною так любимой] Церкви?» Вот. И что-то плохое мне начинает думаться о Христе. «Что-то *не тὸ*?» «Что-то не такой?». Что это учение о скопчестве — феноменально или *эссенциально*? «Так к слову пришлось», «по *случаю* разговоров с фарисеями о разводе, или — некая тайная мысль и выражение Его без'зёрной природы. Конечно, матерям страшно и больно умерщвлять рожденных ими же (ведь в душу их никто не заглядывал) и конечно же «Обществу до этого дела нет» и, след<овательно> (вывод), конечно, этого *требует* «приличие церкви». Теперь: Отчего это *приличие* требует не «по 10-ти раз в год рождасть девкам», а совсем наоборот: глупое приличие, пустое, ничтожное, главное — никому не нужное — требует «ни разу — девкам — не рождасть». Вопрос именно элементарный и Ньютоновский, и именно: «Как могут быть синтетические суждения а'priori».

Бог Без'брачен.
Один христианский Бог.

Прочий же Бог сотворил мир.

Теперь:

Христос = Бог

или

Бог = Христос:

Этих = = (равенств) я никак не могу написать. И это-то именно и есть «источник синтетических суждений а'priori». Тут я не могу не сказать и того, что если «попам этого не нужно», «обществу — не нужно же», то след<овательно> нужно «только церкви Христовой», и именно потому, что она «не церковь вовсе», т. е. «религия вообще»,

а специально *как* Христовой Церкви. Но что же дальше? Значит это нужно Христу? Да. Почему? Беззёрен. Мы здесь восходим на головокружительные высоты: Христос есть Дух, solo — Дух, а Бог есть *только* бог <так!>, «наш Боженька», «сотворивший мир». Головокружительность заключается в том, что «есть два №№ Бога», «просто — Бог» и высший над Ним — Христос. Ведь страшно и исключительно, что в истории, конечно, не бог победил, наш «сотворивший Вселенную обыкновенный Бог», а победил и пришел в мир с уверенностью победы — Христос и Дух и Бог. Дело в том, что расслаивается самый мир на мирное и надмирное, Все-Ленское и Сверх-Вселенское, и Над' и Сверх' стало побеждать под' и Вниз'у. Что над Вселенною открылось еще что-то такое другое, Не — мир, — «Больше мира», «больше Бога». Ну — я не знаю: но явно — мир распадается, разлагается, и меняется. «Конец мира» и вот явно для Конца-то мира и пришел Христос. «Мужайтесь, ныне Я победил мир» (слова Христа). Это так страшно, так ново, это особая космогония Христа или точнее полная а' космичность Его, что мы можем только припомнить, что в предчувствиях всех народов и религий действительно полагается, что «миру должен быть конец», что «мир не совершен». Но так странно это «несовершен» и «конец» — что я честно кладу перо и иду спать: ибо уже совсем рассвело.

Бог для меня стоит где Бог. И я учу только, что Он побежден Христом. Кто же Христос? Дух а'рожденный, именно — «Пришедший», и именно Бес'семянный. Бес'семенно зачатый. Всё точка в точку по Евангелию. Но здесь или выбросить Евангелие и «по-прежнему зажечь», или «вовсе не жить», «оставаясь при Евангелии».

Просто — крест. Могила. Вечная ночь. Христос уносит нас в какую-то Вечную ночь, где мы будем «с Ним наедине». Но я просто пугаюсь, в смертельном ужасе, — говорю

— Я не хочу.

И прошусь «на прежнюю землю», «нашу». Тут не разгадано остается, что — такое в сущности «наша земля». По Христу, по-видимому, «преходящее», «тьень». Многотность. Ну, не знаю. Если Христос открывает мир ноуменов, сверх'сущного, тогда Он и в праве «звать к Себе». М<ожет> б<ыть> в смерти — высшее счастье? В конце концов, самое-то страшное, что мы все действительно умираем, и не понимаем, «почему умираем», почему «индивидуальность не вечна? В конце концов, еще более страшное в том, что Бог нашего мира fall'ичен, конечно, Бог — и должен быть побежден. Но тут голова моя окончательно закруживается, а глаза слипаются от желания спать.

Я Вам еще (давно уже) написал письмо, но не послал. Прощайте, целую, люблю. *Все мы очень несчастны*, и Розановы, и Перцовы, счастлива только Верочка в монастыре,³⁵ шлющая нам чудные письма, и нас утешающая ими и подкармливающая. Она высылает большую помощь. Об «Апок<алипсисе>» она, конечно, не знает и незачем знать.

В. Р.

Ну, Бог с Вами. Видел доброе — увидишь и худое.³⁶

Датируется по содержанию. На автографе письма помета Перцова: «1919; VII *получено*». На машинописи также его пометы: «(напис. летом 1918 г.)»; «(№ 228 его письмо ко мне) *получено лишь в июле 1919 г. — после смерти В. В.*». Впервые опубли.: *Розанов В. Письма 1917–1919 годов / Вступ. статья Е. В. Ивановой; публ. и прим. Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 78–81.*

¹ По воспоминаниям Перцова, Розанов сам пришел знакомиться к нему в 1896 году на Пушкинскую улицу, в знаменитый в Петербурге дом «Пале-Рояль»: «Однажды утром ко мне постучались... Так как я начинал свое „утро“, по петербургским обычаям, к вечеру, то и не торопился открыть дверь. Незнакомый посетитель ушел, ничего не добившись... Часа через два раздался снова стук. На этот раз я открыл, и в дверь просунулась сердитая физиономия господина средних лет, в очках, с рыжей редкой бородкой, с угрюмым и раздраженным видом. „Какой учитель!“ — было первое мое впечатление» (*Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове. С. 259.*)

² Имеется в виду издание Перцовым четырех сборников статей Розанова: «Сумерки просвещения» (СПб., 1899), «Религия и культура» (СПб., 1899), «Литературные очерки» (СПб., 1899), «Природа и история» (СПб., 1900).

³ Розанов познакомился с прозаиком и драматургом Савелием Константиновичем Эфроном (наст. имя и фам. Шеель Хаимович Ефрон; псевд. С. К. Литвин; 1849–1926), так же как и с Перцовым, осенью 1896 года. Эфрон, секретарь петербургской газеты «Свет», предложил Розанову сотрудничество. В 1896–1897 годах Розанов опубликовал в газете «Свет» 25 статей. «Добрый и благородный С. К. Эфрон <...>, так напрасно захаянный и затоптанный — литературно — евреями: ибо он есть одно из прекраснейших и чистейших еврейских сердец, — дитя еврейства, Вениамин еврейства» (*Розанов В. В.* Апокалипсис нашего времени. С. 97).

⁴ Фёдоров Михаил Михайлович (1858–1949) — издатель «Торгово-промышленной газеты», выходившей в Петербурге. В 1899–1900 годах Розанов вел в газете еженедельное «Литературное приложение», а также печатал в приложении свои статьи.

⁵ Васильев Афанасий Васильевич (Афонька; 1851–1917) — публицист, поэт, в звании генерал-контролера возглавлял Департамент железнодорожной отчетности (1893–1897), начальник Розанова по службе в Государственном контроле. Жил в том же доме на Павловской ул., что и Розанов. Васильев был редактором духовного журнала «Благовест» (СПб., 1890–1894), последователем А. С. Хомякова, которому посвятил очерк (А. С. Хомяков. СПб., 1904). Публицистика Васильева была проникнута славянофильскими идеями.

⁶ Филиппов Третий Иванович (1825–1899) — публицист, видный церковный деятель, возглавлял Государственный контроль. С середины марта 1893 года Розанов, переехавший в Петербург, был зачислен в штат Государственного контроля.

⁷ Витте Сергей Юльевич (1849–1915), возглавлял Министерство финансов (1892–1903), способствовал притоку в Россию иностранных капиталов, поощрял инвестиции в железнодорожное строительство. А. В. Васильев, противник Витте, выступал за огосударствление железных дорог.

⁸ Псевдоним Ивана Федоровича Романова (1857 или 1858–1913), публициста, прозаика, издателя, коллеги Розанова с 1893 года по службе в Государственном контроле, соседа по дому на Павловской улице. Темы, волновавшие Рцы, часто совпадали с розановскими, поэтому, как писал Перцов, его называли «маленький Розанов». Говоря о духовных движениях в России, Розанов всегда упоминал имя «Рцы». См. прим. 19 к п. 2.

⁹ Шарапов Сергей Федорович (1855–1911) — публицист славянофильского направления, издатель газет «Русское дело» (М., 1886–1910; издавалась с перерывами) и «Русский труд» (СПб., 1897–1899). С ним Розанов познакомился в марте 1893 года, как с членом кружка петербургских славянофилов. Осенью 1893 года Шарапов поселился на Александровском пр. (ныне пр. Добролюбова) на Петербургской стороне неподалеку от Розанова. Зверинская улица, упоминаемая по ошибке, находилась неподалеку. См.: Переписка В. В. Розанова и С. Ф. Шарапова (1893–1910) / Вступ. статья, подг. текста и комм. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2008. № 4. С. 113.

¹⁰ Правильно: *gamín* — (уличный) мальчишка; сорванец (*фр.*).

¹¹ Переписка Розанова с Рцы началась после переезда Розанова из Ельцы в августе 1891 года в уездный гор. Белый Смоленской губ. Письмо Рцы Розанову с приглашением остановиться на Павловской улице неизвестно. См. письма Рцы к Розанову: *Рцы* [И. Ф. Романов]. Плюсы жизни: В 2 т. / Подг. текста и комм. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб., 2016. Т. II. С. 389–557.

¹² Розанов так излагал историю первой неудачной роковой встречи с Т. И. Филипповым: «История с Филипповым разыгралась так: он передал мне через Аф. В. Васильева, что „жаждет“ меня (только что приехавшего в Петербург) увидеть; <...> я пошел в приемный день (среда) и когда форменный фрак <...> был готов. Бывают люди антипатичные видом, — и подозреваю, что я был таков на тот час <...> Как вдруг высокая дверь отворилась — и ко мне медленно и маленькими, усталыми шажками стал подходить человек невероятно большого объема. Подняв глаза, я уже знал, что это Филиппов. Вид его был благ, мягок, добр; седые волосы по-русски были расчесаны на две стороны, — пробором по середине, по-крестьянски. Я все смотрел. Когда, подойдя ко мне и ничего не сказав, он нагнулся и, трижды поцеловав, сказал: „Еще отдания Пасхи не было“ (т. е. «христосуются»). Я ничего не сказал. Он вздохнул. И что-то сказал. Я не помню. В „сию неизъяснимую минуту“ и возникла та антипатия между нами, отчета в которой я никогда не мог себе отдать, но которая заключалась в „терпеть не могу“ с обеих сторон <...> И с тех пор началось мое закапывание» (*Розанов В. В.* Литературные изгнанники. Кн. 1. С. 132–132).

¹³ Аксаков Николай Петрович (1848–1909) — прозаик, поэт, публицист славянофильского направления, член кружка Т. И. Филиппова, сотрудник Государственного контроля (с 1893 года), где с ним познакомился Розанов. Аксаков учился в Германии в Гейдельберском университете, затем во Франции и Швейцарии. Получив степень доктора философии Гессенского университета, он вернулся в Россию. В отличие от Розанова, Аксаков сошелся с кружком «квадратных славянофилов» и был назначен старшим ревизором, получив содержание значительно больше Розанова.

¹⁴ Характеристику «славянофильского гнезда» Розанов дал еще в 1899 году в письме к Перцову: «...если бы знали, какие это *бескровные*, именно *папье-маше*: все — конституционалисты — ходят в поддевках + лижут ж-пу у Тертия. Это *архи-лакеи*, они же (будто бы) архи-православные, и напр<имер> карточки и бюсты Хомякова — у них на столах и в углу вместо образов» (РГАЛИ. Ф. 1796. Оп. 1. № 178. Л. 11).

¹⁵ Кроме публициста и поэта славянофильской ориентации Ивана Сергеевича Аксакова (1828–1886), пользовались известностью его отец, писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1959), и старший брат Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860), поэт, литературный критик, публицист, идеолог славянофильства.

¹⁶ Речь идет о трех братьях Самариных: Юрий Федорович Самарин (1819–1876) — идеолог славянофильства, его младший брат Дмитрий Федорович Самарин (1827–1901) — сотрудник изданий И. С. Аксакова и самый младший из братьев — Николай Федорович Самарин (1829–1892).

¹⁷ У А. В. Васильева часто собирались для беседы члены кружка петербургских «поздних славянофилов». Розанов тяготился приглашениями в гости Васильева: «Опять зов от славянофила. А он был начальник, отказать и „не идти“ — неловко. И вот иду. И сидим друг с другом, нос к носу, сопим. Слова не лезут, мысль не лезет никакая. <...> Так сопим часов до десяти вечера. <...> Не о чем говорить. Он был единственный пример *совершенно неразвитого* славянофила, какого я за *жизнь* встретил; а очень высокопоставлен» (Розанов В. В. Литературные изгнанники. Кн. 1. С. 124).

¹⁸ См. прим. 8 к вступ. статье.

¹⁹ Комаров Виссарион Виссарионович (1838–1907) — издатель дешевой ежедневной петербургской газеты «Свет», основанной им в 1882 году. С. К. Эфрон являлся секретарем газеты.

²⁰ Речь идет о знаменитом римском семействе Сципионов, представители которого были выдающимися полководцами.

²¹ Ректор Московской духовной академии архимандрит Евдоким (1903–1909) не являлся редактором журнала «Богословский вестник», издаваемого Академией. Редактором журнала с 1912 по май 1917 года был П. А. Флоренский.

²² Розанов сблизился с декадентами через П. П. Перцова. 19 августа 1914 года, вспомнив свой переезд в Петербург и разочарование в славянофилах, он записал: «Примыкаю к декадентам (знакомство через Перцова)» (Розанов В. В. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 503. (Собр. соч. [Т. 8])).

²³ Последнее примирительное письмо к Мережковским было продиктовано больным Розановым в декабре 1918 года (Розанов В. В. Письма 1917–1919 годов. С. 84). После кончины Розанова Мережковский написал Н. В. Розановой, отметив сложные отношения с Розановым, и признал его одним из величайших религиозных мыслителей «не только русских, но и всемирных» (Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове / Вступ. статья, подг. текста и комм. В. Г. Сукача // Новый мир. 1998. № 10. С. 147).

²⁴ Ср. письмо Розанова М. М. Спасовскому от 11 апреля 1918 года: «С отцом Павлом Флоренским мы самые близкие друзья <...> Скорбь его о России так же велика, как и моя. Это Паскаль нашего времени, Паскаль нашей России, который есть, в сущности, НЕГЛАСНЫЙ ВОЖДЬ ВСЕГО МОСКОВСКОГО МОЛОДОГО СЛАВЯНОФИЛЬСТВА <...> Я думаю и УВЕРЕН в тайне души, — он неизмеримо еще выше Паскаля, в сущности, — в уровень греческого Платона с СОВЕРШЕННЫМИ НЕОБЫКНОВЕННОСТЯМИ в умственных открытиях, в умственных комбинациях или, вернее, прозрениях...» (Спасовский М. М. Розанов в последние годы своей жизни. Среди неопубликованных писем и рукописей // Настоящая магия слова: В. В. Розанов в литературе Русского Зарубежья / Сост., предисловие, комм. А. Н. Николокина. СПб., 2007. С. 135–136). Такая же оценка дана Розановым в письме от 8 августа 1918 года к Э. Ф. Голлербаху: «Он ростом не менее Паскаля и бл. Августина: а ему всего 35 лет» (Розанов В. В. В нашей смуте. С. 360).

²⁵ Цитируется стихотворение Д. С. Мережковского «Дети ночи» (1894) — декларация «новой поэзии».

²⁶ Здесь и в других письмах квадратные скобки поставлены Розановым.

²⁷ Альфред Юльевич Кайзер — библиограф в журнале «Русское богатство».

²⁸ Пименова Эмилия Кирилловна (урожд. Петриченко; 1854–1935) — писательница, переводчица, сотрудница отделов иностранного обозрения в журналах «Мир Божий», «Русское богатство». Автор воспоминаний «Дни минувшие», охватывающих период от 60-х годов XIX века до Русско-японской войны 1904 года (Л.; М., 1929). Значительная часть воспоминаний рассказывает о сотрудничестве в журнале «Русское богатство» и дружбе с редактором журнала Н. К. Михайловским.

²⁹ Михайловский Марк Николаевич (1877–1904) — младший сын Н. К. Михайловского, по образованию зоолог-ихтиолог.

³⁰ особей (*лат.*)

³¹ Григорий VII Гильденбранд (1015 или 1020–1085) — с 1073 года папа Римский, установил безбрачие католического духовенства. Ср. у Розанова: «Реформы папы Григория VII Гильден-

бранда? Это — католический целибат. „*Семьи* вовсе не нужно иметь священнику“» (Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. С. 160).

³² См. вступ. статью, с. 116.

³³ явление (*греч.*)

³⁴ априори, заранее, независимо от опыта (*лат.*)

³⁵ Вера Розанова (1896–1919) жила послушницей в скромном Воскресенско-Покровском монастыре около Луги. Летом 1919 года в Сергиевом Посаде покончила жизнь самоубийством.

³⁶ Фраза приписана сверху первого листа письма Розановым.

8

Розанов — Перцову

<не позднее 6 (18) августа 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

С сентября 1917 г. Вы уже пишете так неразборчиво, что нескольких строк разобрать я не могу. — Вы меня обидели (63 года моих) «милый мой Антихрист», «надо ли толокна» — и «сводит чичиковщину» в религию,¹ и я решил больше Вам не писать и не высылать «Апок<алипсис>». Вообще — порвать. Одно письмо, длиннейшее и любящее, я уже отправил по другому адресу.² И одно — прощающее и тоже любящее — хочется тоже послать по другому; но — передам и Вам — если приедете. Комната есть свободная. Жрать нечего.³ «Нищи и убоги». Приезжайте все-таки.

В. Розанов.

На почтовой карточке: «В Москву. / Землянка. / Тетеринский пер., д. 9, к. 11. / Петру Петровичу / Перцову». Датируется по штемпелю отправления на почтовой открытке: «18. 8 18» и карандашной помете Перцова: «1918; 6/VIII».

¹ См. п. 5 и 2.

² Вероятно, имеется в виду п. 5.

³ Татьяна Розанова вспоминала тяжелую жизнь семьи в Сергиевом Посаде: «Мама сама ничего не могла делать, у нее была парализована левая рука и частично правая нога, и она с трудом ходила, но все же еще руководила всем домом. <...> В большой эмалированной кастрюле варились пустые щи, в них была свежая капуста, немного картошки, мука, морковь, больше ничего. На второе же была каша из зерен пшеницы, без всякого масла, или пшенная; хлеба почти никакого не было; бывало, что фунт хлеба делили на пять человек, а то больше ели лепешки из дурынды, или из свеклы, очень редко из овсяной муки, это считали уже очень вкусно. Изредка доставали где-то конину и тогда варили с ней щи <...>. Да через день брали три кринки хорошего густого топленого молока у соседки — трех старушек. Все же голод был ужасный, но тяжелее всех было матери и отцу <...> Они оба очень похудели и стали какими-то маленькими и совсем слабенькими» (Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»... С. 80).

9

Перцов — Розанову

<8 (21) августа 1918 года; Москва>

Москва

1918 8 (21) VIII

Во-первых, Вам не «63 года», а только 62 (род<ились> в 1856 г<оду>) — нечего хвастать! Один мой кузен (Ник. Ник. П<ерцов> — б<ывший> издатель «Слова», Вы его знаете),¹ к<ото>рому в самом деле 63, на днях женится. Вот Вам «пример, достойный, подражания», — в розановском вкусе.

2) «Милый, мой „антихрист“, — с Вашей точки зрения комплимент. Не понимаю, на что обиделись. — «Толокно». Еще того менее. Просто хотел угодить. Я всю зиму посылал кузену в Петроград, а он даже генерал.² Вот «чичиковщина»... Но это

уже не моя вина. Вольно же Вам так «опроститься» в «вопросах религии». И просто Вы злы на всю эту канитель с гг. Карташовым³ и С³ и «спускаете» на мне. Понимаю. Но это скучно...

Вот, что, батюшка. *Серьезное*: сейчас мне говорил один здешний крупный издатель («Наука», издавал Тэна⁴): «Теперь публика спрашивает только *три темы: философия, религия, искусство*; остальное в загоне (политика, беллетристика)». Все как раз *Ваши* темы. Чем сидеть в Посаде да кукситься, побывали бы здесь да похлопотали бы о переиздании Ваших книг. Я — философ еще вовсе неизвестный, а даже у меня, шутя, взяли целую книгу в 15 листов⁵ (философия искусства et cetera⁶). Тем более возьмут у Вас. Например, «Среди художников», «Италия»⁷ (на это тоже спрос); или новый сборник на эти темы. А платят нынче хорошо. Вот и деньги будут!

«Не зевай!»

В Посад, должно быть, не приеду. Некогда; сложно; да и Вы больно злы. «Прощальное» Ваши письма перешлите сюда. Адрес мой: *Землянка* (это недалеко от Курского вокзала; между ним и Таганкой), *Тетеринский пер., 9; кв. 11*, — или (мои вещи): Собачья площ., 12, кв. 25. — Есть ли Вам где остановиться в Москве?⁸ У Нестерова вся квартира пустая («свободная от реквизиции и уплотнения» — покровительствуют искусствам). М<ожет> б<ыть> напишите ему, а то я его спрошу? (Новинский бульв., д. 101).⁹

— Ну, addio! Не злись!

Ваш П. Перцов.

Ответ на п. 6.

¹ Перцов Николай Николаевич (1855–1934) — издатель газеты «Слово», в которой обрел литературное пристанище Перцов после ухода из журнала «Новый путь». Некоторое время с газетой в 1905 году сотрудничал Розанов. Это вызвало недовольство А. С. Суворина, хозяина газеты «Новое время», где Розанов служил как штатный сотрудник с 1898 года. Розанов вынужден был прекратить свое сотрудничество с газетой «Слово».

² Речь идет о двоюродном брате Перцова генерал-майоре Сергее Николаевиче Перцове (1868 — после 1918).

³ См. прим. 4 к п. 6.

⁴ Двухтомная книга И. Тэна «Путешествие по Италии» в переводе Перцова была выпущена издательством «Наука» (М., 1913, 1916).

⁵ См. вступ. статью, с. 116.

⁶ и другие (*лат.*)

⁷ Имеются в виду книги Розанова «Среди художников» (СПб., 1914) и «Итальянские впечатления» (СПб., 1909).

⁸ Розанов приезжал из Сергиева Посада в Москву к С. Н. Булгакову, Н. А. Бердяеву, М. О. Гершензону. Иногда оставался ночевать в Москве у писателя Н. Н. Русова.

⁹ См. прим. 1 к п. 6.

10 Перцов — Розанову

<7 (20) сентября 1918 года; Москва>

1918 7 (20) IX

Москва

Дорогой и милый друг!

Ну, конечно, все «ссоры» и препирательства наши — только «тень, бегущая от дыма». ¹ Сердечно же, я думаю, всегда будем близки, как за все эти 20 лет.

Непрерывно к Вам приеду. Хотел в эти дни, но сейчас не могу, п<отому> ч<то> получил срочную работу, где каждый день на счет (составляю «юбилейный» турге-

невский сборник для здешнего нового «Кооперативного издательства» — нужно сдать весь материал в 2 недели).² Как только соскочит эта «экстренность», — так и приеду.

Мои дела — тоже дрянь дрянью. Вот должен был застрять здесь, оставив Машу одну в деревне (*пока* — с Володей, старшим сыном).³ На хуторе не найдешь работы, разве «представители народа» пошлют копать навоз или ч<то>-н<ибудь> в этом роде. А без заработков теперь, с крушением банков и всех прочих «благ земных», не проживешь. Я, как и Вы, потерял весь своей «международный капитал». А тут еще проклятые нововременцы разворовали даже нашу «кассу взаимопомощи». Получили ли Вы оттуда хоть что-нибудь?

Теперь стараюсь «уцепиться» в Москве, чтобы к<ак>-нибудь продержаться на поверхности.

Хуже всего, что рухнуло издание моей философской книжки («Основание пневматологии» — скажите Флоренскому, что пишется книга под таким, довольно бесцеремонным заглавием).⁴ Издательство «Наука», к<ото>рое ее взяло,⁵ накануне реквизиции; у них взяли типографию и т. д. — так что они вынуждены были приостановить свое дело.

У меня тысяча литерат<урных> планов. Но русские так неподвижны (кроме «товарищей»). Всё только «хорошие разговоры» и вздохи. Чего-нибудь стоят только «социалы». Я в этом отношении — редкое исключение (скажу по совести). Чуть только что-ниб<удь> наладится, постараюсь, конечно, чтобы нашлась и Вам работа. Ужасно жаль, что Вы не «переводчик» — это по теперешнему всё же легче всего. Я кое-что налаживал в этом смысле для Володи,⁶ к<ото>рый также погибает, к<ак> и мы. Но трудно, трудно...

Ну, пока целую. Да, я не раз думал, что Вы пережили, к<ак> всё это обрушилось. Вот уж никто не знает своей судьбы! Попали мы с Вами под «колесо»... Ах, нужно бы Вам в Москву! Здесь все-таки легче «схватить доску» или хоть дощечку. Что может дать Посад?

Как Варвара Дмитриевна? Мой привет ей и всем.

Крепко Ваш П. Перцов

Толокно? Какое там! Ни у самого нет, ни даже, кажется, в деревне. Завод закрылся (штраф и пр.).⁷

¹ Цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Как дымный столб светлеет в вышине!..» (1850).

² Сборник, посвященный 100-летию со дня рождения И. С. Тургенева, вышел в свет: О Тургеневе: Русская и иностранная критика / Сост. П. П. Перцов. М.: [Кооперативное изд-во], 1918.

³ Владимир Владимирович Перцов (1896 — после 1942) — старший сын М. П. Перцовой, который учился до революции в Петрограде в Морском кадетском корпусе цесаревича Алексея.

⁴ См. вступ. статью, с. 116.

⁵ См. п. 9.

⁶ Вероятно, речь идет о Владимире Владимировиче Перцове (1875–1921), двоюродном брате Перцова, первом муже М. П. Перцовой.

⁷ См. прим. 2 к п. 1.

11

Розанов — Перцову

<не позднее 17 сентября (4 октября) 1918 года;
Сергиев Посад Московской губ.>

Дорогой П<етр> П<етрович>! Конечно, я был бы *чрезвычайно счастлив* с В<а-ми> повидаться. Все наши ссоры наши <так!>, конечно, вздор (хотя я *чрезвычайно* был Вами обижен, и, главное, *долго* обижаем). Я послал Вам «любящее» ящ<ик> № 30. Хоть бы Вы, чёрт, привезли толокна.

Зябну. Голодно. Дров чуть-чуть. Таня готовит обед.¹ В доме *только несколько копеек. Ужас...* А помните Ваше в С<анкт>-П<етер>б<ург> письмо

«3-й день русской
Республики».²

Нагулялись с республикой. Экая гоголевщина. Вонючая, проклятая.

А я так рассчитывал было...

Любящ. В. Р.

Томительно хочется прижаться к Вам и поплакать на плече. Ах, что мы пережили. И по приезде в 1917 г. был как в беспамятстве. Продуктов *вне базара* (среда, пятница, воскресенье) никаких. И в довершение убийства душевного сделалось «не держание мочи и кала». Ужас, ужас.

Дурылин — на редкость человек.³

Датируется по карандашной помете Перцова о получении письма: «1918 17 (4) IX». Впервые: *Розанов В. Письма 1917–1919 годов*. С. 88.

¹ Дочь Розанова Татьяна.

² Имеется в виду письмо Перцова Розанову от 1 марта 1917 года, которое начиналось так: «*Русской республике день 3-й*» (Под «колесом» истории... С. 42).

³ Личное знакомство Розанова с писателем, публицистом Сергеем Николаевичем Дурылиным (1886–1954) состоялось в августе 1917 года в Сергиевом Посаде. Дурылин вернулся из Оптиной пустыни, где собирался посвятить себя монашеству. В 1918 году общение Дурылина с Розановым становится постоянным. В дневнике Дурылин отметил приход к Розанову на последние именины, 1 января 1919 года: «Он лежит ногами к теплой печке, на высокой кровати, весь укутанный всем, чем можно, на голове розовый шерстяной капор. Он осунулся, нос обострился, — глаза карие и точно в них что-то притушено: будто пламя лампы убавлено, слабо горит, но еще не мерцает, а горит, — и глаза глядят из-под нависающих куделяшек капора, — и, видно, лежит и думает» (*Дурылин С. Н. Троицкие записки / Публ. и комм. Т. Н. Резвых и А. И. Резниченко // Наше наследие*. 2015. № 116. С. 86). В своем дневнике Дурылин подробно описал последние дни Розанова, его кончину 23 января 1919 года (Там же).

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-134-141

С. П. ДОВГЕЛЛО. ТРИ ОСОКОРЯ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © В. Н. БЫСТРОВА)

Сергей Павлович Довгелло — старший брат жены А. М. Ремизова, Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (1876–1943). Сведения о нем крайне скудны. Родился в 1874 году. Учился в Черниговской гимназии, которую по неустановленным причинам не сумел окончить. Жил с матерью и сестрами в родовом имении семьи Довгелло в селе Берестовец Борзнянского уезда Черниговской губернии. С. П. Ремизова-Довгелло вспоминала о брате: «Сережа самый добрый из нас, совсем незлобивый, хороший, никому зла не сделал, его все любили, мама больше всех его любила».¹ Дочь Ремизовых Наталья признавалась, что и она очень его любила, звала «папой». Умер Сергей Павлович от сыпного тифа в 1919 году. В повестях Ремизова «В поле блакитном» и «Оля» он стал прототипом Михаила Ильменева.

¹ *Ремизова-Довгелло С. П. «Мои записки», записи, письма (рукой Ремизова, с его заметками и примеч.)*. Книга I // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 287. Л. 116 об.